

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ И НАЦИИ

Проблемы формирования русской народности и нации стоят в центре внимания советской науки. Разрешение этих проблем может быть достигнуто только при условии учета всех тех процессов, которыми характеризуется развитие экономики, языка, литературы и искусства, идеологии данного народа в различные исторические эпохи. Поэтому важным моментом здесь является координация исследовательской работы специалистов соответствующих областей знания, в первую очередь — историков, языковедов, литературоведов, экономистов и философов.

С целью такой координации работы ученых различных областей науки Бюро Отделения литературы и языка и Бюро Отделения исторических наук АН СССР была создана Комиссия по вопросам образования русской народности и нации. В ее состав вошли лингвисты (акад. В. В. Виноградов, проф. Р. И. Аванесов, проф. П. С. Кузнецов), историки (акад. Н. М. Дружинин, член-корр. АН СССР М. В. Нечкина, проф. Л. В. Черепнин, канд. истор. наук В. Т. Пашуто, доктор искусствовед. наук Т. Н. Ливанова, доктор искусствовед. наук Н. Н. Коваленская) и литературоведы (член-корр. АН СССР Д. Д. Благой, член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев, проф. М. К. Добрынин, проф. В. И. Чичеров). Председателем комиссии был избран акад. В. В. Виноградов, его заместителем — акад. Н. М. Дружинин. Заседания комиссии проходили в течение марта — июля 1953 г. Это был первый этап работы, цель которого заключалась во взаимном ознакомлении с той трактовкой вопросов формирования русской народности и нации, которая существует в области истории, языкознания, литературы и искусства. Для такого взаимного осведомления и были предназначены информационные доклады историков, лингвистов, литературоведов и искусствоведов; однако зачастую рамки докладов расширялись и в них давалось изложение взглядов отдельных ученых.

*

С информационным сообщением о мнениях историков в определении этапов формирования русской народности выступил проф. Л. В. Черепнин. Он отметил вначале, что у историков намечается несколько точек зрения по вопросу о формировании и основных признаках народности. Так, проф. М. Д. Каммари противопоставляет народность роду и племени и считает, что народность — это категория рабовладельческого и феодального общества, так же как нация — категория капиталистического общества. По мнению М. Д. Каммари, все признаки, присущие нации, включая и экономическую общность, присущи (в менее развитом виде) и народности. Проф. В. В. Мавродин считает народность также категорией рабовладельческого и феодального общества, но не относит к числу ее признаков наличие экономической общности. Проф. Б. А. Рыбаков полагает, что народность начинает формироваться еще в дофеодальный период: период создания и консолидации племенных союзов является первым этапом формирования народности. Б. А. Рыбаков не считает экономическую общность определяющим признаком народности, но признает наличие экономических связей докапиталистического типа в периоды существования развитых народностей, т. е. в эпоху феодализма¹.

Л. В. Черепнин подчеркнул в докладе, что все четыре признака нации в неразвитом виде присущи и народности и совсем исключать наличие (на докапиталистической основе) экономической общности как признака народности нет оснований. По мнению Л. В. Черепнина, народность в России формируется в феодальный период, так же как нация — в капиталистический.

Далее Л. В. Черепнин остановился на вопросе об этапах формирования русской народности. Он отметил, что в период IX—XI вв. существовала древнерусская народ-

¹ Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. «Вопросы истории», М., 1952, № 9, стр. 40—62.

ность, которая образовалась путем слияния восточнославянских племен и является основой возникновения русской, украинской и белорусской народностей. По поводу древнерусской народности есть две точки зрения: некоторые историки (например, проф. Б. А. Рыбаков) утверждают, что это — устойчивое единство (сложившееся на основе трех или четырех признаков), возникшее на базе феодального способа производства; другие (например, проф. В. В. Мавродин) считают древнерусскую народность единством неустойчивым, так как четвертый признак — наличие экономической общности, по их мнению, здесь отсутствует.

Остаиваясь на периоде феодальной раздробленности, Л. В. Черепнин также изложил разнообразные точки зрения историков. Так, проф. И. И. Смирнов и проф. В. В. Мавродин считают, сказал докладчик, что распад древнерусской народности был связан с государственным распадом и совпал с распадом языка. Существенную роль в этом распаде сыграло татаро-монгольское нашествие. Период феодальной раздробленности был периодом экономического и политического упадка и регресса. По мнению акад. Б. Д. Грекова и др., общепринятому в настоящее время в литературе, древнерусское государство не распалось, а расчленилось на ряд самостоятельных полугосударств. Изменения в базисе и образование нескольких феодальных центров отразились и в надстройке. Что касается языка, то распада его также не было, а шло естественное его развитие и дробление. Татарское нашествие сыграло роль в дальнейшем расчлениении древнерусской народности на великорусскую, украинскую и белорусскую.

Л. В. Черепнин заметил, что отнесение времени формирования и существования великорусской народности к XIV, XV, XVI вв. не вызывает возражений, но требует еще специальных дополнительных исследований. Он сослался на указания В. И. Ленина и И. В. Сталина, которые относят время формирования нации в России к XVII в., и сделал вывод, что процесс формирования русской народности в основном завершился в XVI в. К XVII веку уже созданы предпосылки формирования нации. Наконец, Л. В. Черепнин указал, что необходимо учитывать и роль образования русского централизованного государства в формировании великорусской народности. В трактовке всех этих сложных проблем, сказал он, весьма важным, существенным, если не решающим, является участие лингвистов.

Выступая по докладу Л. В. Черепнина, акад. В. В. Виноградов отметил, что для лингвистов древнерусская и великорусская народность — явления различные и что грань между ними проходит в XIV в., когда происходит перемещение языкового центра с юга на северо-восток.

Информационное сообщение о взглядах историков на проблему формирования русской нации сделал акад. Н. М. Дружинин, подробно остановившийся на вопросе о хронологических границах формирования русской буржуазной нации. Он указал, что, по мнению проф. В. В. Мавродина, период формирования нации охватывает XVII и первую половину XVIII в., когда наличествуют все четыре признака, определяющие нацию; на дискуссии же 1952 г. в секторе капитализма Института истории АН СССР (по докладу Н. М. Дружинина) канд. истор. наук Н. И. Павленко утверждал, что этот процесс захватывает и XIX в. По мнению самого Н. М. Дружинина, высказанному на той же дискуссии, возникновение капиталистического уклада в недрах феодального строя в России относится к 60-м годам XVIII в. Завершение же процесса становления капитализма он относил к середине 80-х годов XIX в., когда пролетариат сформировался как класс в результате промышленного переворота и разложения крестьянства. В эти хронологические рамки укладывается и процесс формирования русской буржуазной нации.

Большинство участников дискуссии 1952 г., как сообщил акад. Н. М. Дружинин, не согласилось с этой точкой зрения. Ссылаясь на указание В. И. Ленина об образовании всероссийского рынка, большинство предлагало датировать начало образования русской нации XVII в., когда сложился национальный рынок и имелись уже культурные центры. Конечной датой формирования нации эти историки предлагали считать 1861 г.

Что же касается образования национальной этнической территории, то, по мнению Н. М. Дружинина, этот процесс завершился в XVIII—XIX вв. присоединением и освоением Причерноморья и Дальнего Востока.

Отметим попутно, что некоторые историки, выступавшие на дискуссии 1952 г., указывали, что устойчивый центр великорусской народности сложился уже в XVII в.

Разумея под общностью языка единство не только его разговорной, но и литературной формы, Н. М. Дружинин относит завершение процесса образования русского национального языка к пушкинскому периоду.

На дискуссии было высказано и мнение о том, что в качестве признака формирующейся нации достаточно наличия общеразговорной народной русской речи, сложившейся в XVII в.

Новая буржуазная культура, в частности, нарождавшаяся литература восходящего класса, была вначале прогрессивной и отражала борьбу со старой феодальной

культурой, сказал докладчик. Лишь начиная с 30 — 40-х годов XIX в. общность культуры утрачивается, выделяются революционно-демократическое и либерально-реформистское течения.

С этой точкой зрения расходятся взгляды члена-корр. АН СССР М. В. Нечкиной, которая на дискуссии 1952 г. утверждала, что русская буржуазная культура с самого начала была реакционной и что с нею боролась передовая, демократическая и социалистическая культура эксплуатируемого народа.

На той же дискуссии 1952 г. акад. Н. М. Дружининым было намечено четыре этапа в процессе формирования русской нации, которые нашли свое отражение в росте национального самосознания: первый, — когда в идеологии складывающейся нации сохраняется еще связь с феодальной традицией, но идет уже открытая борьба за национальную духовную независимость; второй — с 90-х годов XVIII в. по 1825 г., — когда идея отечества связывается с революционными стремлениями; третий — 1826 — 1860 гг., — когда ставится вопрос о мировых судьбах русской нации и начинается дифференциация буржуазной культуры; четвертый — 1860 г. — 80-е годы XIX в., — когда идея национального самосознания достигает высшей точки своего развития в публицистике, литературе и искусстве.

Далее Н. М. Дружинин перешел к вопросу о современной постановке проблемы формирования русской нации и указал, что решение этой проблемы зависит от правильного толкования понятия «подымающийся капитализм», в которое следует включать не только наличие товарного производства и товарного обращения (они характерны и для периода феодализма), но и появление зачатков капитализма, системы эксплуатации наемного труда, имевшейся в России уже в XVII в. Доказательства этому можно найти в работах А. М. Панкратовой о формировании рабочего класса, И. В. Степанова о гулящих-рабочих людях Поволжья в XVII в. и др.

Во второй половине XVIII в. ростки капитализма уже превращаются в складывающуюся буржуазную систему хозяйства, которая побеждает и утверждается в 1861 г. Поэтому, говорит Н. М. Дружинин, начало процесса формирования русской буржуазной нации следует отнести к XVII в., а завершение датировать 1861 годом. В XVII в. этот процесс нашел свое отражение в публицистике, сатире и светской повести; в первой половине XVIII в. он отразился в публицистике петровского времени, в связи с чем культуру этого времени можно назвать культурой складывающейся нации².

В конце доклада Н. М. Дружинин резюмировал свои положения, указав, что процесс формирования нации и консолидации ее признаков шел в период между XVII в. и 1861 г. Таким образом, этот процесс занимает столько же времени, сколько процесс формирования капиталистических отношений, и не может завершиться до победы капитализма, что имело место к 1861 г. Русский капитализм просуществовал до 1917 г.; столько же времени, по мнению Н. М. Дружинина, существовала сложившаяся русская буржуазная нация. В заключение своего сообщения Н. М. Дружинин поставил ряд вопросов, которые возникают у историков при изучении процесса формирования нации. Эти вопросы обращены к языковедам, литературоведам и искусствоведам: к языковедам — вопросы о роли литературного языка в этом процессе и о времени окончательного формирования русского национального языка; к литературоведам и искусствоведам — вопросы об особенностях психического склада русской нации (в чем они проявляются, когда и как образуются).

Выступая в прениях, акад. В. В. Виноградов поставил важный вопрос о качественном отличии языка нации от языка народности, о переходе языка народности в язык нации. Он указал, что у языковедов приняты четыре основных условия перехода языка народности в язык нации: 1) изменение отношения общенационального языка к диалектам; известно, что с созданием национального языка диалектное дробление прекращается; 2) повышение роли литературного языка как основы национального языка; 3) развитие литературного языка на базе общенационального; 4) создание общих обязательных норм языка (грамматика, синтаксис и т. п.). В. В. Виноградов сказал, что основы национального языка возникли в недрах языка народности. Проф. Р. И. Аванесов обратил внимание на то, что с XVII в. перестают развиваться новые диалектные различия — это первый признак формирования языка нации. Кроме того, в XVII в. складывается окончательно московское просторечие, которое немногим отличается от просторечия XIX в. — второй признак языка нации. Поэтому можно относить начальный период формирования национального языка к XVII в.

Проблемам образования языка великорусской народности и языка русской нации и в связи с этим соотношениям общенационального языка и местных диалектов на различных этапах истории общества был посвящен доклад проф. Р. И. Аванесова. В первой

² В дальнейшем на дискуссии против этого положения возражал член-корр. АН СССР Д. Д. Благой, не считающий возможным говорить о национальной культуре при Петре I.

части своего выступления Р. И. Аванесов рассмотрел теоретические вопросы, связанные с проблемой соотношения языков и диалектов в истории общества.

Проблема образования национального языка, сказал докладчик, может быть разрешена лишь при условии изучения его истории на протяжении всех доступных для исследования эпох. История развития языков от родовых до национальных, в применении к отдельному языку, представляет собой сложный процесс языковой дифференциации, с одной стороны, и интеграции близко родственных диалектов, с другой. В течение многих эпох с разной степенью интенсивности и с разной широтой действовали оба эти процесса, и только при капитализме постепенно прекращается процесс языковой дифференциации в пределах отдельного языка.

В результате действия языковой интеграции диалекты каждой данной эпохи пережиточно отражают общенародные языки прошлого. Так, в языке древнейшей народности, образовавшейся на почве консолидации племен, диалекты могут отражать племенные языки прошлой эпохи. Наоборот, по мере действия в данную эпоху процесса языковой дифференциации, диалекты, возникшие на основе этого процесса, соответствуют новым социальным общностям этой эпохи и развиваются вместе с последними. В этом случае общие черты разных диалектов, как правило, являются унаследованными от прошлого. Например, отличительные черты близко родственных племенных языков объясняются развитием новых социальных общностей — племен на базе единого в прошлом племени, а общие их черты унаследованы или возникли в них независимо друг от друга в силу единства внутренних законов их развития, доказывая в том и другом случае общность происхождения этих диалектов.

Сосуществование процессов дифференциации и интеграции в течение длительного периода обуславливает то, что на протяжении этого периода в каждую данную эпоху одни диалектные различия соответствуют прошлым этапам развития общества, а другие — развивающимся новым социальным общностям. Например, в языке древнейшей народности одни диалектные различия могут восходить к племенам, из которых образовалась данная народность, а другие, имеющие иное территориальное распространение, могут быть связаны с развитием отдельных частей этой народности и соответствуют намечающимся социальным общностям — «полугосударствам».

При решении проблемы соотношения общенародного языка и местных диалектов, сказал Р. И. Аванесов, нужно иметь в виду характер диалектных различий в данном языке. Различия между диалектами в отдельных языках и в разные эпохи неодинаковы. Диалекты одних языков весьма близки друг другу и мало отличаются по своему основному словарному фонду и грамматическому строю. Диалекты других языков оказываются дальше друг от друга, и их различия больше затрагивают основной словарный фонд и грамматический строй. Однако и в том и в другом случае общие элементы языковой структуры доминируют над чертами различия, поскольку диалекты, не являясь самостоятельными языками, всегда сочетают в себе общие признаки данного языка с частными признаками диалекта как его ответвления.

Кроме того, отметил докладчик, важно обратить внимание и на роль разных диалектов в формировании языка народности и национального языка. В процессе развития языка народности в национальный язык в одних исторических условиях ведущий диалект языка народности может не отличаться от ведущего диалекта национального языка; в этих случаях в структуре национального языка его диалектная основа проявляется наиболее полно. В других исторических условиях в процессе развития национального языка ведущий диалект языка народности перестает быть таковым, и на его место выдвигается другой диалект, определяющий дальнейшее развитие языка; в этих случаях диалект-основа в структуре национального языка проявляется более ограниченно. Это объясняется тем, что, в связи с устойчивостью языка и преемственностью в его развитии, в систему норм национального языка входят лишь те черты нового диалекта-основы, которые не ломают традиции и которые развиваются в самом диалекте-основе в эпоху образования национального языка.

Проф. Р. И. Аванесов отметил далее, что проблема образования национального языка включает в себя и вопрос о письменном литературном языке, ибо национальный язык всегда имеет свою письменную, литературно обработанную форму. Особенно существенно установить, насколько давней является письменность и письменная традиция на данном языке, существовала ли у данного народа в его истории письменность на чуждой или только на общенародной основе, существовали ли разные типы письменного языка для удовлетворения разных социальных потребностей. Все это отражается на характере складывающихся норм языка и на характере отношений общенародного языка и местных диалектов. Образование национального языка тесно связано с развитием его письменной литературной формы, являющейся литературно обработанным нормализованным типом этого языка. Литературный язык, сложившись на общенародной основе, по мере своего укрепления начинает тормозить развитие новых явлений в диалектах, а до известной степени и в языке в целом.

Местные диалекты не являются чем-то внешним по отношению к общенародному языку. Как общенародный язык, так и диалекты представляют собой лишь многообраз-

ные формы одного и того же объекта — языка народа во всех его проявлениях; они не исключают, а предполагают друг друга, хотя и находятся на разных этапах развития общества в разных отношениях. В истории языка не было периода, когда были только диалекты и не было общенародного языка. Поэтому история развития общенародного языка, с одной стороны, и его диалектов, с другой, — это лишь две стороны единого процесса развития данного конкретного языка.

Отношения между общенародным языком и местными диалектами определяются всей историей данного общества и внутренним развитием этого языка в его диалектах. Непосредственно же эти отношения связаны: а) с характером диалектных различий на данном этапе развития языка; б) с отсутствием или наличием письменного языка и в последнем случае — со степенью выработанности его норм; в) с тем, носят ли диалектные различия характер развивающегося явления или неразвивающегося, но устойчивого, или даже деградирующего; г) с тем, в какой степени литературно обработанная форма языка оказывает тормозящее воздействие на развитие диалектов.

При образовании национального языка, сказал Р. И. Аванесов, взаимоотношения между общенародным языком и диалектами характеризуются тем, что, во-первых, постепенно прекращается образование новых диалектных различий; диалекты становятся категорией пережиточной; во-вторых, диалекты постепенно перестают быть общим типом языка на данной территории, так как часть населения переходит на нормы национального языка, и становится принадлежностью сельского населения; в-третьих, диалекты, как низшая форма по сравнению с национальным языком, постепенно становятся местными разновидностями национального языка; в-четвертых, на поздних этапах развития национального языка диалекты начинают перемалываться под воздействием литературно обработанной формы.

Проф. Р. И. Аванесов отметил далее, что на общенародной базе образуется система народно-разговорного языка, единая в потенции (так как она не охватывает те части нации, которые говорят еще на диалектах и совершают лишь переход к общенародному языку) для всей нации. В структурном отношении эта единая система развивается и все шире отражается в письменности, постепенно проникая из жанров деловой переписки в собственно литературный язык.

В заключение первой части своего доклада Р. И. Аванесов наметил черты, определяющие характер развития литературного языка. Единая система письменного языка для деловых нужд образуется уже до развития нации. Она находится во взаимодействии с образующимся единым народно-разговорным языком и отражает процессы, характерные для последнего. Собственно литературный, книжный язык сужается в употреблении, приобретает характер культового языка. Постепенно расширяется тип литературного, письменного языка на общенародной основе, который становится единственной нормализованной формой национального языка. Расширение его употребления ведет к усилению процесса перемалывания диалектов.

Отвечая на вопросы по первой части доклада, Р. И. Аванесов указал на два отличия языка народности от языка нации: 1) в эпоху существования народности диалектные различия продолжают развиваться, тогда как в эпоху существования нации этот процесс постепенно прекращается; 2) применительно к русскому языку, в эпоху народности существуют два письменных языка — книжный, церковнославянский и деловой, общенародный по своей основе. В эпоху же существования нации литературный язык един и имеет широкую общенародную основу; он постепенно превращается в нормализованную форму национального языка.

Вторую часть своего доклада проф. Р. И. Аванесов посвятил рассмотрению истории возникновения и развития русского языка. Языковое выделение восточных славян, сказал докладчик, имело место в процессе распада общеславянского единства. Их языковая общность восходит к эпохам образования тех особенностей языка, которые свойственны всем восточным славянам. Процесс образования трех славянских языковых групп был сложен; эти группы в разные периоды дописьменной эпохи находились в разных отношениях друг к другу. Древнейшие черты объединяют восточных и южных славян, противопоставляя их западным; более поздние — объединяют восточных и северо-западных славян и т. д. В отличие от западной и южной групп, восточнославянская группа является наиболее цельной и единой в языковом отношении: в древнейших чертах в ней не обнаруживается никаких различий.

Можно утверждать, что в середине I тысячелетия н. э. у восточных славян развились те древнейшие особенности, которыми они отличались от южных и западных славян, будучи едины с ними в этот период во всяком случае в отношении фонетической системы и грамматического строя. Таким образом, языковая общность восточных славян предшествовала образованию древнерусской народности и явилась фактором, содействовавшим объединению племен, а не результатом объединения.

В значительной своей части диалектные различия у восточных славян развились в относительно позднюю эпоху, которая лингвистически характеризуется как время после падения редуцированных, а исторически соответствует эпохе феодальной раздробленности. К эпохе разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому

обществу языковая общность восточных славян не была нарушена. Она была одним из признаков развивающейся древнерусской народности, нашедшей свое политическое оформление в Киевском государстве.

Язык древнерусской народности характеризуется значительным единством, хотя в нем и есть диалектные различия, которые оказываются довольно стойкими вследствие отсутствия централизации. Поэтому единый общенародный русский язык X—XI вв. получил на разных территориях различную местную окраску, т. е. реально выступал в одной из близких друг другу местных разновидностей. В эту эпоху есть два типа письменного языка: один — общенародный в своей основе — для юридических и деловых жанров, второй — церковнославянский — для жанров культовых, литературно-книжных. Они находятся в разных отношениях к общенародному устному языку. В связи с почти полным отсутствием процессов нормализации письменность этого времени относительно широко отражает местную окраску.

С переходом к феодальной раздробленности (с начала XII в.) усиливается развитие местных диалектных различий в пределах отдельных земель и княжеств. По письменным памятникам можно выделить ряд древнерусских диалектов этой эпохи, а вместе с тем можно предполагать, что диалектные различия развились и на других территориях, от которых памятники до нас не дошли. В диалектах этого времени не обозначились еще языки будущих трех восточнославянских народностей, хотя отдельные черты впоследствии стали характерными для того или другого языка.

В этой связи Р. И. Аванесов остановился на статье И. М. Ионенко об образовании русского национального языка³ и указал на неверность мысли автора о прямом превращении племенных диалектов в диалекты феодальных земель, ибо последние — это не сохранение старых племенных диалектов, а прежде всего развитие новых в условиях феодальной раздробленности. Ни языковые факты — новообразования, ни самые границы диалектов этого времени нельзя возвести к племенной эпохе. Неверна мысль Ионенко и о смене с XII в. тенденции образования единой древнерусской народности тенденцией образования трех восточнославянских народностей, потому что с XII в. начинается лишь переход к феодальной раздробленности, к ослаблению общерусских связей при сохранении еще традиционного представления о древнерусском единстве. В XII — начале XIII в. на отдельных русских землях вырабатываются характерные для соответствующих диалектов признаки, некоторые из которых впоследствии станут характерными для отдельных восточнославянских народностей. Но в самой исторической действительности XII — XIII вв. нельзя видеть еще тех общностей, которые развиваются в XIV—XV вв.

Дальнейшее обособление Северо-Восточной Руси от Западной и Южной способствует оформлению великорусской народности в отличие от украинской и белорусской, которые складываются приблизительно в то же время на юго-западе и западе. Вместе с оформлением великорусской народности на северо-востоке в XIV — XV вв. там же развивается и ее язык. Письменные памятники этого периода свидетельствуют о наличии единого языка великорусской народности, северновеликорусского по своему характеру. В это время возникает и укрепляется ряд специфических великорусских явлений в языке новой народности, охватывающих ее основные части. Однако местные диалекты данной эпохи весьма устойчивы, а на периферии развиваются новые диалектные различия. Общенародный язык и в эту эпоху реально выступает в одной из своих местных разновидностей, но выделяется один ведущий (ростово-суздальский, а затем московский) диалект, который шире других отражается в письменных памятниках.

Двойной характер письменного языка сохранился и в это время. Рядом с книжным, церковнославянским языком крепнет и развивается на общенародной основе деловой письменный язык, становящийся в XVI в. едва ли не общим для всего государства.

Уже в раннюю эпоху формирования великорусской народности, сказал Р. И. Аванесов, южновеликорусское начало играло в ней известную роль. С XIV в., когда определились различия между северными и южными говорами, южновеликорусские элементы постепенно увеличиваются. На протяжении XIV — XVI вв. при образовании централизованного государства к Москве присоединяются многие южновеликорусские территории, роль которых в жизни страны все возрастает, а к XVIII в. становится решающей. Происходит постепенная смена диалектной основы русского языка.

По мере смены этой основы ростово-суздальский диалект, одним из представителей которого был московский говор, постепенно терял свое значение, изменяясь под воздействием южновеликорусских говоров. Московский же говор, проникаясь южными элементами, еще больше начинает противопоставляться как средневеликорусский другим ростово-суздальским говорам, в прошлом однотипным с ним. Определяющим дальнейшее развитие языка становится южновеликорусское наречие, курско-орловский диалект которого, наиболее цельный и влиятельный, ложится в основу русского языка в эпоху его становления как национального. Но смена диалектной базы не сломала уна-

³ См. И. М. И о н е н к о, Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка, «Вопросы истории», М., 1952, № 7, стр. 89 — 100.

следованного от прошлого языкового строя, в котором уже укрепились как многие особенности старой диалектной основы (з взрывное. *т* твердое в 3-м лице глагола, формы типа *меня* и др.), так и элементы церковно-книжного языка. Однако определяющее значение в формировании норм национального языка имеет южновеликорусское наречие и прежде всего его курско-орловский диалект. В эту эпоху укрепляется в московском просторечии и подмосковных говорах южновеликорусское по происхождению аканье, которое входит в нормы формирующегося национального языка, расширяется употребление формы им. пад. множ. числа мужского рода на *-á*, видимо, тоже южновеликорусской по происхождению, утрачиваются многие из тех древних общенародных элементов, которые сохранились в архаических северных говорах. В первой половине XVII в. московское просторечие приобретает свой средневеликорусский облик.

Закачивая свой доклад, Р. И. Аванесов отметил, что процессы формирования норм русского национального языка особенно интенсивно протекают с XVII в., когда, как указывал В. И. Ленин, начинается новый период русской истории, связанный с образованием всероссийского рынка, с ликвидацией экономической разобщенности и т. д., т. е. с процессом формирования русской нации⁴. В эту эпоху образование новых диалектных различий постепенно прекращается, а вновь возникающие (это может иметь место в определенных условиях на более или менее ограниченных территориях) не получают широкого распространения. Однако существующие различия держатся долго, лишь позднее подвергаясь воздействию норм национального языка. В эту эпоху постепенно развивается и укрепляется единый литературный язык на живой общенародной основе, который становится литературно обработанной формой национального языка.

Доклад Р. И. Аванесова вызвал много вопросов и замечаний, отвечая на которые докладчик развивал и уточнял свои основные положения. Вместе с тем ряд вопросов показал, что окончательное разрешение поставленной проблемы требует новых больших исследований. Таковы, например, вопросы о качественных, структурных отличиях языка народности от национального языка, о разнице между письменным и разговорным языком в древнерусскую эпоху и т. д.

Выступая по докладу Р. И. Аванесова, В. В. Виноградов отметил как недостаток построения доклада ту его черту, что в нем чисто языковые процессы не прикреплены к носителю языка в каждый данный момент: когда говорится об общеславянском языке и о его распаде, то остается неясным, в каком отношении эти языковые процессы связаны с судьбой самого носителя этого языка, а затем его отдельных групп. В. В. Виноградов выразил сомнение в правильности того положения, что процесс «распада» общеславянского языка сопровождается возникновением явлений, охватывающих все восточнославянские племена, но без каких-либо процессов дифференциации внутри этих племенных групп, что после распада общеславянского языка у восточных славян отсутствовала какая бы то ни было языковая дифференциация.

Недостаток доклада, по мнению В. В. Виноградова, заключается также в том, что он строится почти исключительно на основе изучения фонетических процессов; очень мало привлекаются данные грамматики и совсем остается нетронутым словарный состав. Между тем основу языка составляют грамматический строй и основной словарный фонд. Наконец, важен и вопрос о различии внутреннего качества самого языка в разные периоды его развития. По этому внутреннему качеству языки древнерусской и великорусской народности сильно отличались, даже в основном словарном фонде. Вопрос же о процессе развития, например, языка народности в язык нации разрешается Р. И. Аванесовым так, что с курско-орловским диалектом связывается, в основном, только распространение аканья, а само развитие нового в структуре языка остается неясным.

В. В. Виноградов отметил также (в связи с вопросом М. В. Нечкиной о различии языка народности и языка нации), что процесс формирования литературного языка в эпоху образования и развития нации сопровождается расширением его функций и вытеснением тех его разновидностей, которые были образованы не на народной основе. Общенародный литературный язык начинает обслуживать разнообразные формы проявления культуры; это расширение и осложнение сферы применения литературного языка связано с его стилистическим расслоением. При этом надо иметь в виду, что при наличии функционально-стилевого многообразия языка единство его структуры, его грамматического строя остается непоколебленным.

Вопросы связи истории русского литературного языка с процессами образования древнерусской и великорусской народностей и русской нации были освещены в докладе акад. В. В. Виноградова. В. В. Виноградов указал на наличие многих неясностей и спорных положений в решении таких важных вопросов, как вопрос о понятии литературного языка в его историческом развитии, о его стилистическом составе в раз-

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137 — 138.

ные исторические эпохи, о формах отношения литературного языка к общенародному языку древнерусской и великорусской народностей, а затем — о качественных его отличиях в период возникновения и развития национального языка.

Остановившаяся на проблеме возникновения русского литературного языка, докладчик критически излагает различные теории, существующие по этому вопросу в русской науке. Он подробно анализирует точку зрения акад. А. А. Шахматова на проблему образования русского литературного языка, указывая, что в развитии взглядов Шахматова здесь можно видеть два периода. В первый период он полагал, что письменный русский литературный язык возник в Киеве и его родоначальником был церковнославянский язык, перенесенный из Болгарии. Под этой чуждой оболочкой рано начинает пробиваться живой язык народа (что связано с образованием в Киеве к X в. общего городского разговорного языка), который вскоре после возникновения древнерусской письменности проникает в сферу письменного общения: летописи, исторические сказания и юридические акты пишутся близким к живой речи языком, который лишь в подборе слов и в синтаксических оборотах выявляет свою зависимость от церковной письменности. Когда роль Киева перешла к Владимиру, а затем к Москве, туда были перенесены и памятники письменности, и городской язык Киева, на котором, как думал Шахматов, говорили духовенство и дружинники. Однако со временем в Москве складывается новое наречие, великорусское по преимуществу, получающее общеобластное значение. Таким образом, по мнению А. А. Шахматова, с XIV в. как бы меняется диалектная база литературного языка, но развитие традиций, восходящих к киевскому государственному языку, продолжалось как в лексике и фразеологии, так и в стиле. Городское наречие Москвы, так же как раньше киевское, скоро проникает в деловую письменность, однако долгое время письменный московский язык имеет соперника в церковнославянском, и только в XVIII в. происходит слияние обоих языков — приказного московского и церковнославянского. В результате этого литературный язык, оставаясь в своей основе народным, обогащается запасом церковнославянских слов.

В дальнейшем А. А. Шахматов все больше проникается мыслью о влиянии болгарского языка не только в книжной, но и в живой разговорной речи: уже в X в., по его мнению, устный болгарский язык стал живым языком киевской интеллигенции. При этом Шахматов думает, что такая болгаризация древнерусского языка повлияла и на язык устной народной словесности, что отражается в языке «Слова о полку Игореве». Шахматов создает исторически неоправданную картину распространения болгарского влияния на жителей разных русских городов, изменявших свою речь под влиянием книжного языка при усвоении слов и понятий, ведущих к древнеболгарскому источнику. По мнению Шахматова, уже в XI в. произошло преобразование древнеболгарского языка в русский литературный язык. Дальнейшее развитие литературного языка — это процесс его русификации, пока во второй половине XVIII в. не создается национальный, чисто русский язык, совпадающий с народным языком.

Этим положениям, сказал В. В. Виноградов, противопоставлена концепция акад. С. П. Обнорского. Вначале (1934 г.) точка зрения акад. Обнорского заключалась в том, что в Новгороде на живой славянской основе (но с сильным влиянием Запада — немцев и западного славянства) был создан русский литературный язык, во всех своих частях свободный от древнеболгарского влияния; этот язык затем проник во все другие центры древнерусского государства. Позже (1946 г.) С. П. Обнорский по-иному представлял процесс образования и развития древнерусского литературного языка; он считал, что язык, создавшийся на живой восточнославянской почве, был с самого начала общерусским. Это доказывается анализом различных древнерусских памятников, охватывающих период от начала XI по конец XII в. Дальнейшее развитие литературного языка, по мнению С. П. Обнорского, состояло в усилении на него, особенно с XIV в., церковнославянского влияния. Но чем это вызвано и почему развитие идет в таком направлении — остается неясным.

В. В. Виноградов характеризовал также взгляды проф. Л. П. Якубинского, отметив, что концепция последнего является попыткой теоретического обоснования взаимодействия церковнославянского и древнерусского языков. В теории Л. П. Якубинского можно увидеть сохранение элементов концепции Шахматова, но в сочетании с концепцией Обнорского о самобытном развитии русского литературного языка. По мнению Л. П. Якубинского, господствующим литературным языком в X — XI вв. был церковнославянский, а затем, в связи с усилением значения веча, развитием городского быта и расширением частных деловых сношений, происходит культурно-языковая революция, и с XI в. усиливается роль и значение живого восточнославянского языка, который становится литературным в определенных жанрах письменности. Но вместе с тем, думает Л. П. Якубинский, традиция церковнославянского языка не исчезает совершенно, а резко суживается и ограничивается в своей функции. Церковнославянский язык поступает на службу древнерусскому литературному языку, его лексика образует один из его стилистических слоев.

Таким образом, отметил В. В. Виноградов, если С. П. Обнорский вообще не говорит о стилях древнерусского литературного языка, то Л. П. Якубинский полагает,

что развитие этого языка на живой восточнославянской почве с самого начала определилось как развитие нескольких стилей, отличающихся друг от друга, но имеющих общую структурную основу. Л. П. Якубинский различает три стилиевых потока в древнерусском литературном языке. Первый — стиль деловой письменности, связанный с живой разговорной основой и включающий мало книжных форм. Второй — стиль художественной литературы, восходящий к устно-поэтическому языку и отражающий также стилистическое использование церковнославянской традиции. Это — в широком смысле литературные стили. Третий, — опирающийся главным образом на церковнославянский язык, — это стиль, связанный с обслуживанием культа и применяющийся также в жанрах церковной письменности.

В. В. Виноградов указал, что ни одна из изложенных теорий возникновения литературного языка целиком не разделяется в настоящее время советскими языковедами. Более или менее признается точка зрения Якубинского в отношении трех стилей древнерусского литературного языка.

Переходя далее к характеристике различных периодов в истории литературного языка, докладчик отметил, что для древнерусской эпохи можно утверждать наличие единого литературного языка с многообразной системой стилей, хотя, надо сказать, вопрос о многообразии стилиевых форм древнерусского литературного языка как следует не изучен. Этот язык в существенной своей части имел общее в основном словарном фонде и грамматическом строе с языком восточнославянской народности, но формы и особенно сложные синтаксические конструкции в отдельных стилях отражают письменную традицию, шедшую из старославянского языка, в частности — от древнеболгарской письменной культуры. Вместе с тем характерными чертами древнерусского литературного языка, в отличие от современного, являлись, как уже отмечал Л. П. Якубинский, отсутствие единых и твердых норм употребления грамматических форм и широта диалектного многообразия: диалектные особенности пробиваются и в фонетике, и в морфологии, и в лексике.

Что касается эпохи XIV — XVI вв., то в этот период, по мнению В. В. Виноградова, в развитии литературного языка наблюдается характерный процесс, связанный с формированием языка великорусской народности. К XIV — XVI вв. в языках трех восточнославянских народностей произошли существенные изменения в грамматическом строе: изменилась система временных форм глагола, шло развитие категории вида и т. д. Это были общерусские изменения, которые нашли свое отражение и в языке великорусской народности. Но вместе с тем складывание этого языка было связано со смещением диалектной базы: он ориентируется на ростово-суздальский диалект, а позднее на говор Москвы. Это обусловило изменения в основном словарном фонде и в словарном составе, как и в фонетической системе и грамматическом строе языка великорусской народности. В этот период происходят качественные изменения и в литературном языке, где выступают вместо трех стилиевых потоков, отмеченных Л. П. Якубинским, два. Изменения в языке великорусской народности облегчили возможность формирования стиля деловой письменности и примыкающих к ней жанров на великорусской, точнее — среднерусской народно-диалектной базе. Установившаяся в Москве система государственного делового языка и примыкавших к нему жанров с XIV—XV вв. начинает оказывать сильное влияние на областные вариации литературного языка (под этим влиянием изменяется, например, язык новгородских грамот). В языке деловой письменности Москвы постепенно формируются морфологические и орфографические нормы литературного языка на народной основе.

Но наряду с этими стилями литературного языка, тесно слитыми с языком новой этнографической среды и складывавшимися на базе языка великорусской народности, на среднерусской диалектной основе, мы наблюдаем поток стилей, связанных с продолжением традиций прежнего литературного языка, стилей риторических, высоких, в которых культивируются книжные архаические формы; возрождается ряд лексических пластов и фразеологических конструкций, восходящих к языку древнерусской эпохи. Эти стили связаны с традициями церковнославянского языка и с историей литературного языка периода древнерусской народности.

Отвечая на вопрос, почему сохраняются и даже получают развитие архаические формы языка, В. В. Виноградов указал, что это связано, во-первых, со вторым югославянским влиянием, под которым, по его мнению, и надо понимать возрождение архаических форм, особенно в XV в., а во-вторых, с тем, что в длительном и постепенном процессе формирования делового языка еще полностью не произошло его освобождения от местных диалектных вариаций, в связи с чем деловой язык не мог стать основой для развития на нем единой литературы. Этим объясняется временный успех высокого стиля, где не было диалектных вариаций, а было представлено внешнее парадное единство.

В этом стилиевом потоке — книжном, до известной степени церковнославянском — происходила переработка на новой почве предшествующих стилей русского языка. Активное использование русских архаических слов, славянизмов, а также книжных и даже искусственных образований привело к большому расхождению высоких стилей с общей речью народа. Но, сказал докладчик, письменная речь XV — XVI вв. содей-

ствовала и обогащению литературного языка, ибо все ценное, что создавалось в рамках высокого слога, вошло составным элементом в национальный литературный язык.

Неясным остается вопрос о влиянии языка устно-поэтического творчества на развитие этих двух стиливых потоков, но такое влияние, без сомнения, было.

Характеризуя дальнейшее развитие литературного языка, В. В. Виноградов сказал, что с XVI в. происходит расширение функций близкого к живой разговорной речи стиливого потока: он воздействует на стиль публицистики, на все расширяющийся стиль деловой переписки, а затем в него включается ряд повествовательных стилей. В XVII в. происходит распад системы риторических, высоких стилей, все больше начинает колебаться противоположность двух стиливых потоков литературного языка — простого и высокого. С конца XVII в., а особенно в петровскую эпоху ясно определяется система так называемых «посредственных», или средних, стилей, — то течение, в котором происходит перековка элементов того и другого стиливого потока и которое сыграет потом большую роль в процессе формирования норм литературного языка. При этом важно отметить, что в середине XVI — начале XVII в. в стилях, близких к живому языку великорусской народности, устанавливается та морфологическая система, которая затем ляжет в основу грамматического строя национального русского литературного языка — устанавливается структура склонений и спряжений, хотя в высоком стиле и продолжают употребляться архаические формы.

Развитие литературного языка этого периода связано с тем, что стиливой поток, близкий к народной речи, все глубже внедряется в систему высоких стилей, сильно изменяя ее. На почве такого взаимодействия и развиваются средние стили, в которых происходит освобождение от диалектной пестроты простого слога и обработка и национализация элементов высокого славянизированного стиля. Все эти процессы вели к выработке единой национальной нормы литературного языка. В. В. Виноградов указал, что при создании этой стилистической нормы раньше всего складывается морфологическая система. Что же касается фонетики литературного языка, то здесь нормы устанавливаются только во второй половине XVIII в. Больше всего вариаций имеет и длительнее всего развивается синтаксический строй при твердой устойчивости основного структурного ядра как в системе предложений, так и в области словосочетаний. Развитие форм словосочетаний и конструкций идет особенно усиленно с XVIII в.; тогда же определяются основные нормы словарного состава литературного языка.

Кроме того, докладчик заметил, что формирование стилистической нормы литературного языка связано с языком центра. В связи с этим он подошел критически как к точке зрения проф. Б. А. Ларина, считавшего, что разговорный язык Москвы XVII в. отличался диалектной пестротой, так и ко взглядам акад. С. П. Обнорского, утверждавшего, что в процессе формирования национального литературного русского языка большую роль сыграли северновеликорусские говоры. Вернее — старое мнение, что русский литературный язык сложился на основе московского говора.

В. В. Виноградов подробно охарактеризовал процессы развития русского литературного языка в связи с формированием национального языка. Он указал, что с конца XVII — начала XVIII в. все больше определяются основные стиливые системы в составе литературного языка; все большее значение для делового производства, публицистики и некоторых жанров научного языка приобретает средний стиль.

К началу XVIII в. в русском литературном языке уже вполне установился освобожденный от многих славянизмов и близкий к живой общенародной речи грамматический строй, в котором все сильнее давали себя знать некоторые черты южновеликорусского наречия (например, именительный падеж множественного числа на *-а* от существительных мужского рода). Во всем этом, сказал В. В. Виноградов, можно видеть отражение влияния южновеликорусской системы, которое сказалось в развитии отдельных вариантных форм и, кроме того, в существенном изменении или обогащении словарного состава литературного языка, т. е. в вытеснении прежних слов их синонимами, шедшими из южных говоров, или в пополнении литературного словаря словами народной, чаще южнорусской областной речи.

Докладчик отметил, что в литературном языке XVIII в. сохраняются три стиля — простой, средний и высокий. При всем этом в простом стиле еще продолжают существовать диалектные колебания; средний стиль, установившийся на средневеликорусской основе, но впитавший южновеликорусские элементы, к концу XVIII в. более или менее стабилизируется; в высоком стиле продолжается еще употребление архаических форм.

В развитии всех этих процессов сыграла огромную роль ломоносовская нормализация грамматического строя литературного языка: Ломоносов создал единую грамматическую базу национального языка и установил нормы употребления грамматических форм. Для развития литературного языка XVIII в. центральной проблемой становится упорядочение и обогащение лексического состава литературного языка. Реформа Ломоносова устанавливала базу для формирования среднего стиля, в который отбирались элементы живой разговорной речи и в который проникали славянизмы, тесно связанные этой живой речью.

Развитие русского литературного языка, сказал В. В. Виноградов, включает в себя и нормализацию среднего стиля во всем многообразии его лексических норм и выражается, с другой стороны, в поисках взаимодействия элементов высокого и простого слога и установления общей нормы национального литературного языка. Главным же было то, что возникал вопрос об отборе тех элементов высокого слога, которые легко сочетались с элементами общенародными. Этот процесс идет на протяжении всего XVIII в., причем здесь остро сказывается борьба классовых точек зрения на характер отбора тех или иных элементов. Показательна первая система такого отбора, связанная с творчеством Карамзина, которая была попыткой поэтизации однопильных элементов среднего стиля, в результате чего получилось сильное обеднение словарного состава.

Последующее развитие национального литературного языка и национальной художественной литературы, связываемое с именем Пушкина, состояло в том, что в язык художественной литературы проникают народно-диалектные формы в их национальном восприятии. В творчестве Гоголя виден процесс более широкого включения в литературный язык разнородных диалектных элементов, элементов народной речи и системы просторечия, ранее оставшейся за пределами литературы.

Говоря о малой изученности вопроса о просторечии, В. В. Виноградов отметил, что в XVII — XVIII вв. наряду с диалектными вариациями общенародного языка установилась такая система разговорной речи, которая была тоже общенародной, но которая не включалась в литературный язык, хотя и была его подосновой. Во второй половине XVIII в. возникает проблема «олитературивания» просторечия, т. е. связывания его с устной нормой литературного языка или создания норм литературного разговорного языка. На протяжении XIX в. шла обработка просторечия и расширение норм литературно-разговорной речи. В связи с этим докладчик заметил, что если современный литературный язык имеет письменную и устно-разговорную формы, то о наличии последней нельзя говорить по отношению, например, к древнерусскому литературному языку. По мнению В. В. Виноградова, о н о р м и р о в а н н о й общенародной форме устного выражения можно говорить лишь по отношению к тому народно-разговорному языку, с которым, в основном, совпадает и литературный, т. е. по отношению к тому периоду, когда литературный язык существует в составе общенародного национального языка.

Подводя итоги всему сказанному выше, докладчик заключил, что процесс развития литературного языка, связанный с формированием великорусской народности, продолжается с XIV до XVII в., но со второй половины XVI в. уже виден некоторый перелом в сторону развития национального языка. Что же касается развития литературного языка в национальный период, то процесс идет неравномерно в разных частях языка. Если в области морфологии уже со второй половины XVI в. устанавливается некоторое единство, то в лексике сближение литературного языка с общенародным развивается в течение XVIII в., и лишь в первой половине XIX в. словарный состав литературного языка полностью включается в систему общенародного языка.

В. В. Виноградов указал, наконец, на один чрезвычайно сложный вопрос — на вопрос о единстве структуры литературного языка при всем многообразии его стилей в ту или иную эпоху. В настоящее время из-за отсутствия исследований такого рода нельзя показать, например, общность базы двух стиливых потоков литературного языка XIV—XVI вв. и определить вместе с тем их различия.

В своем докладе В. В. Виноградов затронул также проблему возникновения древнерусской письменности и указал на неверность попыток оторвать целиком развитие русской графики в известной мере орфографии от истории графики и орфографии старославянского языка. Однако, отметил он, это связано не столько с церковной традицией, сколько с тем, что славянские народы в то время находились в живых и тесных культурных и политических сношениях. Письмо является общеславянским, и близкие его разновидности могли возникнуть на разных славянских территориях.

Что же касается связи возникновения литературного языка с возникновением письменности, то, сказал докладчик, неверно думать, что если есть письменность, то есть и уже сложившийся литературный язык. Запись разговорной речи — это еще не литературный язык, под которым понимается язык художественной литературы, науки, делопроизводства. Когда появляется письмо, появляется и проблема формирования литературного языка и его разных стилей на базе разговорной речи путем закрепления ее в письменных формах. Но эти вопросы остаются еще не изученными, и книга Д. С. Лихачева «Возникновение древнерусской литературы» их не решает.

Комиссия уделила большое внимание процессам, отражающим формирование особенностей психического склада русской нации, в связи с чем на нескольких заседаниях рассматривались вопросы формирования русской национальной культуры — литературы, фольклора, музыки, изобразительного искусства.

Вопросам развития литературы в свете проблемы образования русской народности

и нации было посвящено три доклада — члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева, проф. М. К. Добрынина и члена-корр. АН СССР Д. Д. Благого, в которых был выдвинут ряд важных вопросов развития русских литератур.

Сообщение Д. С. Лихачева было сосредоточено на вопросах связи историко-литературного процесса с образованием древнерусской и великорусской народности, поскольку анализ этой связи дает возможность установить качественное различие между национальным самосознанием отдельных эпох. Важно увидеть, когда отдельные восточнославянские народности обособляются друг от друга и на каких этапах они еще сохраняют осознание своего единства. По мнению докладчика, в этом отношении характерны XIV, XV и даже XVI в., когда постоянное обращение к киевской старине идет в плане осознания этого единства. «Задонщина» еще целиком отождествляется с древнерусскими традициями, но в «Сказании о Мамаевом побоище» киевские традиции отступают, и на первом плане выступает уже Москва. Во-вторых, такое изучение позволяет решить вопрос об образовании великорусской народности в связи с появлением собственно великорусской литературы. Как кажется Д. С. Лихачеву, «Моление Даниила Заточника», Лаврентьевская летопись и некоторые другие произведения XII — XIII вв. являются памятниками, связанными с будущей великорусской народностью, так как их специфические черты резко отличны от киевских, волыньских и галицких памятников. При этом вопрос о специфических особенностях великорусской литературы не может быть разрешен без связи с историей украинской и белорусской литератур — он может быть решен только в комплексном их рассмотрении. Наконец, можно поставить вопрос о роли литературы в развитии великорусской народности, ибо литература, играя активную роль, способствует тому, что данная народность осознает себя как обособленную от других.

Д. С. Лихачев отметил далее неправомерность преувеличения областных различий в литературе эпохи существования народности, ибо это ведет к отрицанию общерусской литературы. Он подчеркнул, что объединительный процесс был более сильным, чем разъединительный, и что литературоведам следует учитывать как те, так и другие процессы. В дальнейшем докладчик еще раз указал на важность этого положения.

Д. С. Лихачев указал также на отсутствие синхронности в образовании трех народностей: черты великорусской народности появляются в литературе гораздо раньше, чем черты украинской. Группа таких памятников, как Лаврентьевская летопись и «Моление Даниила Заточника», обладает особыми чертами, превосходящими позднейшую великорусскую литературу, процесс образования и развития которой не может быть сведен к простому отделению от литературы других восточнославянских народностей.

В докладе проф. М. К. Добрынина были выдвинуты следующие вопросы: каковы отличительные черты литературы народности сравнительно с литературой нации; где границы литературы, раскрывающей психический склад народности, и где границы литературы, раскрывающей психический склад нации, т. е., по существу, вопросы периодизации литературного процесса. Докладчик критически охарактеризовал различные теории периодизации истории литературы и отметил, что во всех многочисленных теориях был существенный недостаток: в основу периодизации не был положен принцип общественно-экономических формаций, отсутствовало верное понимание процесса развития, переходов от рода к племени, от племени к народности, от народности к нации. Наиболее новой в этом плане является работа Д. Д. Благого, который верно намечает момент перехода русской народности в русскую нацию — XVII — XVIII вв., но мало останавливается на признаках, характеризующих литературу народности и литературу нации.

М. К. Добрынин наметил те черты, которыми, как он считает, отличается русская литература как явление нации от литературы как явления народности. Хотя элементы национального своеобразия в русской литературе складываются раньше, чем возникает сама русская нация, но, говорит М. К. Добрынин, определить черты национальной литературы легче, если идти от более развитого состояния к менее развитому.

В литературе XIX в., как развернутой национальной форме, легко улавливаются специфические черты, национальный характер нашей литературы. Намечается ряд признаков национальной русской литературы: 1) единство языка как первоэлемента литературы; 2) усиление связей литературы с действительностью, повышение ее идейности, углубление конкретно-исторического содержания; 3) наличие тем, специфичных для русской литературы: о путях развития России, о борьбе против крепостничества за освобождение народа, показ разложения дворянства и появления капиталистического хищника и т. д.; 4) создание типов, характеров, образов, специфичных для русской литературы, представляющих собой «сгусток» явлений жизни определенного времени (Чацкий, Онегин, Печорин и др. — одна линия; Рахметов, Лопухов, Кирсанов — другая). На основе этого в литературе появляются попытки теоретической разработки вопроса о русской нации и ее характерных чертах — это делают Белинский, Чернышевский и Добролюбов; 5) изменение роли литературы в жизни нации. Достаточно вспомнить высказывание Белинского о роли русских писателей и формулу В. И. Ленина

о мировом значении русской литературы, чтобы понять роль этой последней в создании и формировании нации.

Что касается проявления черт национального характера в русской литературе XVIII в., сказал М. К. Добрынин, то здесь они не выявляются с такой яркостью, так как это ранний этап развития национальной литературы, и это обстоятельство сказывается здесь во всем: и в характере идейного содержания, и в тематике, и в типах, образах, и в языке. Идеи общенационального значения раскрываются у немногих писателей XVIII в., таких, как Ф. Прокопович, потом М. В. Ломоносов и особенно А. Н. Радищев. Но у других — признаки национальной литературы не выявляются столь ощутительно. Таким образом, идет лишь процесс становления русской нации, но нет еще нации в развитом виде.

Наконец, в литературе русской народности (XI — XVII вв.) идейность, тематика, типы имеют характер; сама роль литературы этого времени существенно отличается от роли литературы национального периода. Только в творчестве Симеона Полоцкого выступают элементы, свойственные новому периоду.

Итак, заключил докладчик, литература XIX в. как явление национального характера, как отражение условий жизни общества содержит в себе в развитом состоянии признаки литературы нации и существенно отличается от литературы XVIII в. как первого этапа в развитии нации, а еще больше — от литературы XI — XVII вв., связанной с развитием русской народности.

Отвечая на вопрос о том, с какого времени, по данным литературного процесса, можно считать, что существует уже развитая нация, М. К. Добрынин сказал, что он предложил бы отнести к концу XVIII в., к периоду Радищева, когда появляется осознание общенациональных задач, ставящихся самим ходом развития страны.

С этим положением не согласилась Н. Н. К о в а л е н к о в а, высказавшая мнение, что момент становления нации следует отнести к более позднему времени. Она высказала также сомнение и в верности замечания проф. Л. В. Черенина о необходимости отодвинуть процесс перехода народности в нацию с конца XVII в. несколько вглубь. Н. Н. Коваленская отметила, что факты истории искусства этой возможности не дают, как не представляют ее и данные истории литературы.

Член-корр. АН СССР Д. Д. Б л а г о й в своем докладе остановился прежде всего на вопросе о специфике литературы и в связи с этим не согласился с мнением проф. М. К. Добрынина об отсутствии у литературоведов возможности построить самостоятельную периодизацию развития литературы.

Он указал, что художественная литература — это специфическая форма отражения и познания действительности. Поэтому, хотя она и развивается вместе с жизнью народа и должна изучаться в органической связи с нею, нельзя недооценивать и специфику литературы, нельзя представлять ее серией исторических иллюстраций. У литературоведения как науки есть свой особый предмет изучения, ибо литература, являясь специфическим выражением жизни народа, обладает и относительной самостоятельностью своего развития. Поэтому, говорит Д. Д. Благой, в основу периодизации историко-литературного процесса должно быть положено изучение литературы в ее специфике и в объективных закономерностях ее развития. Поскольку литература должна изучаться в органической связи с жизнью народа, — периодизация литературы не может не стоять в соответствии с основными моментами этой жизни. Но вместе с тем периодизацию литературного процесса следует строить, опираясь на явления самой литературы, на этапные моменты ее исторического развития. При правильном построении этой периодизации она не вступит в противоречие с общесторической периодизацией.

С этим тезисом Д. Д. Благого не согласилась М. В. Нечкина. По ее мнению, у докладчика наблюдается разрыв с историей народа, что является неверным.

Д. Д. Благой остановился далее на основных моментах развития русской литературы как национальной. Он отметил, что уже дореволюционные историки литературы говорили, что так называемую новую литературу (в отличие от древней) надо начинать не с петровской эпохи, а с середины — второй половины XVII в. Именно в это время в литературе возникают принципиально новые явления: она начинает терять свою средневековую окраску; появляются антицерковная и политическая сатира, светские жанры историй и повестей («Повесть о Карне Сугулове» и особенно «Повесть о Фроле Скобееве»). Типичным героем этого времени является сын, покидающий отчий дом («Притча о блудном сыне» С. Полоцкого, «Повесть о Горе-Злочастии» и др.). В финале этих повестей еще торжествует «старина», но в популярности данной темы — знамение времени. В петровское время такие повести возникают вновь, но уже с противоположным финалом («Повесть о российском матросе Василии Карютском»).

Все эти явления связаны с глубинным историческим процессом — возникновением общерусской экономической общности, началом образования всероссийского рынка, который дал возможность элементам нации, существовавшим до того в потенции, начать складываться в собственно нацию.

Важно, сказал докладчик, что через полстолетие после своего возникновения русская нация начинает развиваться как великая нация, возможность чего создали

особые исторические условия. «...еще ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от моря, в каком находилась вначале империя Петра Великого» (К. Маркс, Секретная дипломатия). Северная война, являвшаяся борьбой за выход к морю, и была борьбой за возможность существования русского народа как великой нации.

Д. Д. Благой отметил, что дальнейшее развитие русской художественной литературы происходит именно как развитие великой национальной литературы. С этим связано и ускорение темпов развития литературы. Еще литература петровского времени отставала от развития общенациональной жизни народа, от ломки старого и утверждения нового в эпоху Петра. Тогда художественной литературы как таковой у нас еще не было, как не было писателей с достаточно определенно выявленной творческой биографией, не было и широкой читательской аудитории. Уровень литературных произведений того времени был примитивным и уступал по художественным достоинствам устому народному творчеству.

Но уже в 30-е годы XVIII в. с первыми сатирами Кантемира и одами Ломоносова литература не только начинает подниматься на уровень задач общественной жизни, но и опережает ее в идейной направленности. К концу же XVIII в. у нас уже есть развитая литература, ряд блестящих писательских имен, единственное в своем роде явление — литературная деятельность Радищева.

Д. Д. Благой особо остановился на вопросе о процессе так называемой «европеизации» русской литературы XVIII в. Он сказал, что характерным в развитии русской литературы XVIII и начала XIX в. — имея в виду относительную самостоятельность литературы — было стремление к ее развитию в литературу великой нации, способную занять достойное место в ряду европейских литератур. Для этого надо было овладеть достижениями этих литератур и, не утратив самобытности, утвердить свою самостоятельность.

Далее докладчик указал, что уже Белинским были намечены три периода в развитии русской литературы: ломоносовский, карамзинский (Д. Д. Благой считает, что точнее и правильнее назвать — «карамзинско-радищевский») и пушкинский. Это правомерная периодизация русского литературного процесса времени формирования и становления национальной литературы, соответствующая основным этапам становления русского народа как великой нации.

На первом этапе этого становления «государство помещиков и торговцев» играло исторически прогрессивную роль: оно выступало в качестве основоположника национального единства; соответствующие идеи этого государства определяют собой пафос русского классицизма, его литературную специфику. Наибольшее художественное и идейное выражение это получило у Ломоносова, почему Белинский и назвал первый период развития русской литературы ломоносовским.

Но уже с 60-х годов XVIII в. начался существенный перелом в развитии литературы. И здесь также наблюдается соответствие с общенациональным процессом, так как с 60-ми годами XVIII в. историки связывают существенные перемены в развитии экономических отношений, начало формирования капиталистического уклада в России. Во второй половине XVIII в. Российская империя достигает своих естественных в территориальном отношении границ и становится великой державой. Но в то же время все резче дает себя знать классовый характер государства помещиков и торговцев, что выражается в предельном усилении крепостнического гнета при Екатерине и в усилении в связи с этим протеста крестьянских масс. Абсолютистская монархия в эту эпоху становится тормозом в развитии страны. С этого времени складывается сатирическое, вернее — критическое направление в русской литературе. В этом наиболее плодотворном течении всей русской литературы проявилась с огромной силой ее национальная специфика, литературным выражением которой было становление критического реализма. Критическое направление с особенной силой выявляется в деятельности Новикова и Фонвизина и эмансипируется от служения абсолютной монархии в литературном творчестве Радищева, в котором имеется мощный протест против существовавшего в то время политического строя.

Все требования жизни ярко воплощаются в деятельности Радищева, который впервые внес в русскую общественную мысль революционное сознание. «Путешествие» Радищева было самым революционным и самым демократическим произведением мировой просветительской мысли XVIII в. Но, замечает Д. Д. Благой, вести начало русской национальной литературы с Радищева нельзя; книга Радищева как раз наглядно показывает незавершенность процесса становления русской национальной литературы как искусства слова. Еще Пушкин говорил, что «Путешествие» Радищева написано варварским слогом.

Не в творчестве Радищева завершился полуторавековой процесс становления русской национальной литературы и, шире, — русской национальной культуры — он завершился, по мнению докладчика, в многогранной деятельности и творчестве Пушкина, вырастающих на почве первого периода в развитии русского освободительного движения. Именно тогда сложились нормы русского национального литературного

языка, сохраняющие значение до настоящего времени. Кроме того, именно в творчестве Пушкина впервые выявилась полностью специфика русской художественной литературы. Пушкин явился первым поэтом-художником на Руси, полно и ярко показавшим национальную проблематику, которая была подсказана и обусловлена своеобразием русского исторического процесса. С поразительным чутьем великого национального художника-мыслителя Пушкин поставил в своем творчестве коренные общественно-политические вопросы своего времени и этим сообщил литературе великую просветительную силу. Но кроме того, дав русской литературе ее настоящее содержание и отразив в своем творчестве национальную специфику, Пушкин достиг во всем этом небывалого эстетического совершенства. Он создал сокровищницу национального искусства слова — специфически русскую стилистику, приемы художественного обобщения, образного отражения действительности.

Итак, заключил Д. Д. Благой, в творчестве Пушкина завершился процесс формирования русской национальной литературы. Дальнейшее ее развитие — это развитие литературы, уже ставшей национальной.

Последнее положение доклада Д. Д. Благого вызвало возражения многих членов комиссии. По мнению Н. М. Дружинина, завершение процесса становления русской национальной литературы надо относить к более позднему периоду, чем деятельность Пушкина. В. В. Виноградов указал на неправомерность мнения Д. Д. Благого о том, что национальная художественная литература возникла одновременно с нормой национального литературного языка. Сначала язык должен получить свои общенациональные нормы, чтобы потом на его базе можно было создавать национальную художественную литературу. В творчестве Пушкина нормы национального языка определились, но считать, что литература стала национальной именно в его творчестве, едва ли верно, так как лишь сформировавшаяся нация и ее идеи находят свое выражение в художественной литературе, а рост этой литературы в свою очередь содействует становлению нации. Если признать, что национальная художественная литература дана нам в творчестве Пушкина, то надо признать нацию установившейся в предшествующий период развития. Р. И. Аванесов высказал мнение, что литература, удовлетворяющая всем требованиям, предъявляемым национальной культуре, не может существовать до сформирования русской нации и что трудно говорить о национальной литературе без романов Тургенева, Гончарова, Толстого.

Большие возражения встретило у членов комиссии и толкование Д. Д. Благой формулы В. И. Ленина о существовании двух культур в одной национальной культуре, понимаемой как отражение происходивших процессов разрушения национальной общности. Д. Д. Благой полагает, что формула В. И. Ленина о наличии в каждой национальной культуре элементов демократической и социалистической культуры, хотя бы в неразвитом виде, распространяется на весь период существования буржуазной нации, т. е. с XVIII в. до Советской эпохи. Но элементы культуры — это еще не культура как таковая. Хотя для нас ясна огромная разница между Радищевым и Карамзиным, хотя мы говорим о реакционном романтизме Жуковского, — надо уметь видеть прогрессивность многих и существенных сторон деятельности Карамзина и Жуковского для своего времени и не причислять полностью их творчество к другой культуре. Не надо смешивать понятие культуры и понятие лагеря: Радищев и Карамзин — это два борющихся течения в пределах одной культуры. Поэтому и можно говорить о «карамзинско-радищевском периоде» развития литературы, в котором Карамзин сыграл большую роль, в связи с чем Чернышевский и называл его великим писателем.

В своем докладе Д. Д. Благой сказал, что положение В. И. Ленина о двух культурах, понимаемое как отражение разрушения национальной общности, может быть применено лишь к последней стадии развития русского капитализма, начиная примерно с 60-х годов XIX в. С этим положением Д. Д. Благого не согласилась член-корр. АН СССР М. В. Нечкина, которая высказала мнение, что при подобной постановке вопроса нельзя понять становления культуры буржуазной нации. В любую эпоху трудящиеся массы составляют большинство нации, и надо разбираться, как каждое художественное произведение относится к основной проблематике — к борьбе масс за свое освобождение. Иначе литература будет оторвана от основного исторического процесса.

В. В. Виноградов выразил сомнение в правильности мысли, что процесс возникновения, борьбы и гибели одной большой культуры проходит в 50 лет (т. е. с 60-х годов XIX в. до 1917 г.). Прф. М. К. Добрынин считает необходимым понимать положение В. И. Ленина о двух культурах в широком методологическом плане. По его мнению, культура Карамзина и культура Радищева — это разные вещи, и борьба их очевидна. Такая борьба двух культур есть и в период народности — борьба господствующих верхов и народных масс. К этому мнению присоединилась и доктор искусствовед наук Н. Н. Коваленская.

В связи с докладом Д. Д. Благого В. В. Виноградов поставил вопрос, в чем заключается специфика национальной художественной литературы, а в стилисти-

ческом плане — в чем специфические свойства эстетики, стиля литературы национального периода. Однако в завязавшейся дискуссии по этому вопросу никакой приемлемой для всех участников формулировки найдено не было.

Р. И. Аванесов в своем выступлении обратил внимание на то, что необходимо учитывать изменения жанров художественной литературы по мере превращения ее в литературу национальную. В литературе великорусской народности отсутствовал, например, жанр психологического романа; переход на новую систему стихосложения совпадает с начальным моментом становления русской национальной литературы и т. д.⁵

*

Вопросы народного творчества в свете изучаемой проблемы были поставлены в докладе проф. В. И. Чичерова. В. И. Чичеров указал на то, что при решении проблемы формирования русской буржуазной нации в области фольклора наиболее важны следующие вопросы: об особенностях отражения исторической действительности в творчестве русского народа на разных этапах его развития; об истории архаического обрядового фольклора; о создании разных стилей и их судьбах в истории народного творчества; об изменении формальных особенностей фольклора на разных этапах жизни народа; о времени осознания народного творчества как общенационального достояния. Докладчик отметил, что древнейшие формы русского народного творчества по способам изображения действительности близки к эпическим творениям других народов. Характерной чертой ранних форм русского героического эпоса является мифологизирование природы, однако это не означает отсутствия связи с реальной действительностью, а свидетельствует лишь о своеобразном ее изображении.

В дальнейшем в русском эпосе начинается переход к изображению бытовой реальной действительности. Максимально точное в историческом плане изображение действительности в русском народном эпосе получает развитие в исторических песнях XVI в. (цикл песен об Иване Грозном). С начала XVII в. установка на конкретное отображение действительности сказывается не только в стремлении дать точное описание события, но и представить его в бытовой обстановке, что достигается подчеркиванием личных, индивидуальных переживаний («Плач Ксении Годуновой по Скопину-Шуйскому»).

Принципиально новым видом исторической песни и по содержанию, и по форме является песня об Азове и особенно песни о Степане Разине. Фантастика песен этого периода связана уже не с мифологическими представлениями дохристианского времени, а с суевериями и поверьями крестьян, характерными для XVII в.

Исторические песни, сказал проф. В. И. Чичеров, можно подразделить на ранние — XVI в. и более поздние — вторая половина XVII, XVIII и начало XIX в. В XVIII в. идет развитие тенденции, появившейся во второй половине XVII в. и направленной к созданию нового в стилистическом отношении вида народной исторической песни (солдатская песня). Следовательно, намечается несколько этапов в развитии эпоса. В эпоху существования древнерусской народности развивается как особый вид народного искусства, отражающий историческую жизнь русского народа, былевой эпос. Этот эпос сохраняет свое значение и в последующее время и уже в XV—XVI вв. возбуждает интерес к себе как к наследству, повествующему о героическом прошлом.

В условиях складывания и укрепления национального Русского государства зарождается, а в XVI в. получает полное развитие историческая песня, продолжающая стилистические основы былевой поэзии, но характеризующаяся установкой на точность передачи исторических событий.

Во второй половине XVII в. в исторических песнях о народных восстаниях формируются новые стилистические черты, характерные для этой поэзии также и в XVIII—XIX вв. В отличие от былины и исторической песни предшествующего периода, являющихся достоянием территориально ограниченных местностей, эти новые исторические песни имеют повсеместное распространение и всеобщую изустную известность.

Далее проф. В. И. Чичеров остановился на судьбах архаического обрядового фольклора и указал, что и здесь можно видеть специфику развития народного творчества в конкретно-исторических условиях жизни русского народа. Можно наметить два типа русского обрядового фольклора, границы которых совпадают с областными границами элементов материальной культуры. Один тип — северновеликорусский. Южные границы его проходят южнее б.в. Новгородской губернии, захватывая средние и южные районы б.в. Тверской, Ярославской и Владимирской губернии; далее граница идет по направлению к Казани и Уралу. Второй тип — средневеликорусский — занимает земли, которые еще в середине XV в. или принадлежали Москве, или находились в

⁵ 23 ноября 1953 г. член-корр. АН СССР Д. Д. Благой прочитал на заседании комиссии новый доклад: «Роль русской художественной литературы в формировании русской нации», которым начался второй этап работы комиссии. (Доклад опубликован в журн. «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка». М., 1954, вып. 1, стр. 22—36.)

соседстве с нею (Тверь, Рязань) и были связаны с культурой центра страны. Этот тип, захватывая земли с запада от Москвы к Владимиру и Рязани, выходит на Волгу и идет по Поволжью до Каспия. Средневеликорусский тип прослеживается в быв. Курской, Орловской и Воронежской губ., но во взаимодействии с украинским и белорусским фольклором. Можно думать, что областные типы обрядового фольклора сложились в начале процесса формирования Московского государства; в дальнейшем основные черты этого фольклора — как в целом, так и в областных границах — сохраняются неизменными и в XVIII — XIX вв.

На тех же территориях, на которых распространен обрядовый фольклор, выявляются и областные стили народного творчества — северновеликорусский и средневеликорусский. У этих стилей есть и общая основа и свои особенности. Северновеликорусский стиль — специфически эпический; средневеликорусский — противоположен ему: в нем главное — раскрытие личных переживаний человека.

Далее В. И. Чичеров отметил, что важно изучать изменение разработки тем, в которых выражается формирование психического склада русского народа. Существенна, например, патриотическая тема защиты Родины. Она звучит в различных произведениях и жанрах с одинаковым смыслом, но разрабатывается по-разному. В ранних произведениях эта тема выступает как тема единения народа при защите Родины в борьбе с врагами. В фольклоре московской Руси она связана с подчеркиванием мысли об объединении и укреплении сил вокруг Москвы, об уничтожении внешней опасности. В XVIII в. эта тема звучит по-новому — как тема создания нового государства, сочетаемая с темой борьбы с внешними врагами; тогда же получает развитие и тема классовой борьбы и социального неравенства.

Параллельно с углублением и осложнением содержания идет и изменение форм народного творчества. В ранних записях ясно представлена поэтика традиционного народного творчества — единая в основе, но варьируемая в пределах областных стилей. В XVIII в. эта поэтика начинает изменяться: в ней ощущается тяготение к формам книжной поэзии. Это наблюдается во второй половине XVIII в., и явные изменения отчетливо выступают к началу XIX в. («Песня об Аракчееве» и др.). Новые формальные особенности становятся наиболее очевидными примерно с 60-х годов XIX в. Вновь создаваемые произведения строятся с использованием живых, а не традиционных стилистических форм (именно тогда развивается такой жанр, как частушка).

Наконец, проф. В. И. Чичеров обратил внимание и на изменение отношения к народному творчеству с конца XVII — начала XVIII в. Глубокий и практический интерес к нему проявляется уже в середине XVIII в. (Тредьяковский, Ломоносов), но по-настоящему народное творчество входит в круг исследовательских интересов в XIX в., особенно начиная с деятельности Пушкина. К 60-м годам борьба за народность и национальную самобытность русского искусства будет тесно соединяться с изучением и пропагандой фольклора. К середине XIX в. фольклор полностью осознается как национальное искусство, как часть национальной культуры.

*

Вопросам становления национальной русской музыки в свете общей проблемы формирования русской нации был посвящен доклад доктора искусствовед. наук Т. Н. Ливановой.

Она отметила, что корни русской музыкальной культуры уходят в глубокую древность — в IX — X века. Однако все, что зародилось в музыке до XVII в., сводится к фольклорному наследству и особым формам церковной музыки. Поэтому периодом становления национальной музыкальной культуры можно считать середину XVII в. Здесь лежит та условная линия, до которой шло развитие музыкальной культуры русской народности. Период с середины XVII в. до 70-х годов XVIII в. может быть назван переходным: здесь существует не только народная и церковная музыка, но нарождаются промежуточные жанры, и само народное музыкальное творчество претерпевает изменения — появляются новая тематика и новые стилистические черты. С 70-х годов XVIII в. уже оформляется национальная школа в музыке, зарождается и начинает становиться русская опера, создаются романсы композиторского плана и новые инструментальные формы. Но это еще лишь постепенное становление классической музыкальной школы. Только в середине 20-х годов XIX в., когда появляются творения созревшего таланта Глинки, можно говорить о ее рождении.

Что касается церковной музыки, то ее напевы приобрели настолько своеобразный облик, что существо их и способ записи в XVII в. резко отличаются от унаследованных раньше церковных напевов Киева. Русский народ внес в церковное пение также очень много своеобразного и резким образом изменил его характер.

В переходный период — с середины XVII в. до 70-х годов XVIII в. — начинается собирание русских песен. С конца XVII в. русские песни попадают в рукописные сборники, в которых уже представлен единый стиль записи, созданный, повидимому, широкими кругами городских грамотных музыкантов-любителей из числа разночинцев.

В этом новом виде народная песня широко распространяется по всей стране, теряя областные признаки и становясь общенациональным искусством.

В церковной музыке в это время обращаются к многоголосию. Параллельно происходит наполнение церковной музыки светским содержанием. Но оперы, симфонии — жанров, которые были уже в других странах, в России в это время еще нет. Все это появляется с 70-х гг. XVIII в., являющихся новой гранью в развитии музыки.

Попытки создать русскую оперу были и в 50-х годах XVIII в., но это были в большей степени попытки введения в оперу русского языка, чем разработка русской музыки: музыку в подобных операх писал обычно итальянский композитор («Цефал и Прокрисса», «Альцеста» Сумарокова). Поэтому такие оперы не были еще национальными. Нельзя говорить о создании русской национальной оперы, о сложении русской национальной музыкальной культуры и в 70-х годах XVIII в. Нельзя потому, что тогда нет еще характерных черт русской национальной музыки. Музыка следует здесь еще за литературой, а не развивается самостоятельно: она создается лишь как вставка в литературный текст, и композитор целиком следует за этим текстом.

Так идет развитие русской музыки до формирования классической музыкальной школы, до Глинки. Чтобы этой музыке стать классической и подлинно национальной, ей не хватает разработки больших героических тем, связанных с крупными историческими событиями, и обращения к народной песне как основе творческого развития музыкального стиля каждого композитора. Все это появляется в творчестве Глинки.

Т. Н. Ливанова охарактеризовала черты, присущие русской национальной музыкальной школе, и указала на то, что они связаны непосредственно с историей русской нации и получают свое воплощение в ней. Этими чертами являются: раскрытие образа народного героя и народа как важнейшей силы в исторических событиях; наличие жизнеутверждающего начала, оптимистического разрешения темы, даже при ее трагедийности. Тем самым русская музыка не только воплощает характерные черты психического склада русской нации, но и способствует ее определению.

Особенностью русской классической музыкальной школы является не только обращение к важным историческим событиям в жизни русского народа, но вместе с тем и углубление в переживания человека, в его духовный мир. Для русской музыкальной школы характерна широта жанров и выражение эпического, драматического и лирического начал. Наконец, доступность и запоминаемость русской национальной музыки — это тоже ее характерная особенность.

*

В докладе доктора искусствовед. наук Н. Н. Коваленской были освещены вопросы становления русского национального изобразительного искусства.

Н. Н. Коваленская обратила внимание на то, что решить вопрос о начале становления и о времени завершения развития русской буржуазной нации может помочь классовый анализ искусства. Рассматривая развитие русского изобразительного искусства, Н. Н. Коваленская указала, что ясно оформившееся новое искусство относится к 50—60-м годам XIX в. — оно целиком принадлежит эпохе капитализма. Завершение в этот период процесса сложения русского демократического искусства, повидимому, совпадает с завершением процесса сложения буржуазной нации. Начало же этого процесса, достигшего отчетливого выражения в 60-х годах XIX в., относится к XVII—XVIII вв. и связано с определенными явлениями в развитии светского искусства. В начале XVIII в. можно увидеть первые признаки развития такого искусства, накопление отдельных его элементов, но здесь еще далеко до перехода в новое качество.

Таким настоящим переходом к светскому искусству в живописи является лишь петровское время, когда появляется новое отношение к этому искусству. Но и петровская эпоха — это лишь начало сложения искусства будущей буржуазной нации, но еще не само буржуазное искусство. Как в самой петровской эпохе, так и в ее искусстве есть противоречия: эта эпоха, прогрессивная в экономике, политическом устройстве, военном деле, не была прогрессивной в социальных отношениях. Ограниченность эпохи сказывается и в ограниченности реализма искусства петровского периода: оно приобретает придворный характер, в нем преобладает декоративизм и т. д.

С 60-х годов XVIII в. в искусстве начинается борьба нового со старым, начинает оказывать свое действие зарождение в России капиталистического уклада, который кладет отпечаток на всю культуру. В искусстве этого времени нет прямого отражения крестьянской войны и показа ее героев; но уже появляются рисунки, где дается образ скорбной, униженной, но и вместе с тем полной достоинства и могущества крестьянской Руси (Ермилов).

Постепенно нарастает реализм, который поднимает русских художников того времени на мировую высоту. Старой декоративности противопоставляется простота и правдивость в искусстве. В начале XIX в. близость к народу проявляется в жанровой живописи, которая приобретает социальный характер. Это особенно ярко видно в творчестве Кипренского, являющегося выразителем русской нации в изобразительном

искусстве. Итак, время с начала XVIII в. по вторую половину XIX в. — это период, когда завершается формирование искусства буржуазной нации.

Далее Н. Н. Коваленская остановилась на вопросе о том, как проявляются объединяющие начала в искусстве, связанные с формированием русской буржуазной нации. В этой связи она указала, что уже в XVI в. московская школа иконописания начинает подавлять остальные местные школы. В заключение доклада Н. Н. Коваленская отметила две особенности русского искусства, в которых выражается русский национальный характер, психический склад русской нации. Первая — особый демократизм русского искусства, демократизм с позиций народа. Вторая особенность связана с условиями жизни русского народа, с частыми иноземными нашествиями, что заставляло русский народ стремиться к объединению. Отсюда — патриотизм, гражданственность русского искусства.

Второй этап работы комиссии, который начался, как было указано выше, докладом Д. Д. Благого 23/XI 1953 г., будет состоять в обсуждении докладов, построенных на основе самостоятельных разысканий и исследований авторов, а также на основе заслушанных сообщений с учетом всех тех вопросов, которые были поставлены в ходе предварительного обсуждения. Комиссия планирует привлечь к обсуждению проблемы формирования русской народности и нации экономистов и философов, а впоследствии вынести все эти вопросы на большое совещание специалистов разных областей знания.

Вал. Вас. Иванов

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

29 и 30 октября 1953 г. в Институте языкознания АН СССР проходило расширенное заседание Ученого совета института с участием представителей академий наук союзных республик и филиалов АН СССР, посвященное обсуждению планов научно-исследовательской работы лингвистических институтов академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

С докладом «О состоянии советского языкознания и задачах научно-исследовательской работы на 1954 год» выступил акад. В. В. Виноградов. Отметив, что советские языковеды после лингвистической дискуссии 1950 г. проделали большую работу, В. В. Виноградов указал на наличие двух периодов в развитии языкознания за последние три года.

Для первого периода, охватывающего время с 1950 г. до середины 1952 г., было характерно господство коллективных и индивидуальных работ широкого теоретического размаха и сравнительно бедной фактической оснащенности. В настоящее время в одних трудах явно преобладают конкретные языковые и историко-языковые материалы над историческими или теоретико-лингвистическими обобщениями, в других же работах, наоборот, преобладает умозрительное теоретизирование, часто не оправданное широким самостоятельным изучением языковых связей. Главная же линия развития советского языкознания должна быть направлена по пути создания таких работ по языкознанию, в которых объединялось бы ясное и глубокое изложение больших теоретических выводов с глубоким анализом тщательно собранного языкового материала.

В. В. Виноградов отметил ряд мало исследованных областей языкознания и указал на необходимость разработки некоторых конкретных проблем — истории и взаимоотношения родственных языков в связи с историей народа, составления описательных и сопоставительных грамматик языков народов Советского Союза, создания высококачественных национальных толковых, а также двуязычных словарей, лексикографических руководств и обобщающих теоретических трудов по лексике.

В. В. Виноградов говорил о медленной и не всегда удачной работе по созданию самих необходимых учебных пособий для высшей филологической школы и обратил внимание на почти полное отсутствие руководств по истории отдельных языков народов Советского Союза.

Далее В. В. Виноградов назвал основные проблемы плана научно-исследовательской работы Института языкознания на 1954 г.: 1) развитие языка от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным; 2) история языка и внутренние законы его развития; 3) сравнительно-историческая лексикология и методика этимологических исследований; 4) закономерность развития словарного состава языка; 5) описание грамматического и фонетического строя современных и древних языков; 6) лексикографическая работа (сборник по теории лексикографии, словарю);